

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ

КРОЛИЧЬИ ИСТОРИИ

ПО МОТИВАМ ПОВЕСТИ
ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА

ХУДОЖНИК
ДЖО САТФИН

Джо Сатфин

**Рождественская песнь.
Кроличьи истории**

«Азбука»

2024

УДК 821.111-32-93
ББК 84 (4Вел)

Сатфин Д.

Рождественская песнь. Кроличьи истории / Д. Сатфин —
«Азбука», 2024

ISBN 978-5-389-31667-6

«Рождественская песнь. Кроличьи истории» – это книга с очаровательными персонажами и проникающей в душу атмосферой. Она понравится читателям всех возрастов и с легкостью оживит нестареющую классику. История Эбинезера Скруджа, пленяющая читателей уже более 150 лет, дополнена восхитительными иллюстрациями Джо Сатфина. Создайте значимые и долговечные воспоминания в это Рождество вместе с вашими детьми! В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-32-93
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-389-31667-6

© Сатфин Д., 2024
© Азбука, 2024

Содержание

Первая строфа	10
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Адаптация текста Джо Сатфина
Рождественская песнь. Кроличьи
истории. По книге Чарльза Диккенса
«Рождественская песнь в прозе:
святочный рассказ с привидениями»

Адаптация Джо Сатфина

*Иногда бывает полезно уподобиться детям, особенно
в Рождество, когда и сам наш Творец был ребенком.*
ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

BASED ON THE CLASSIC TEXT BY CHARLES DICKENS

This book was first published in the United States by Moody Publishers, 820 N. LaSalle Blvd.,
Chicago, IL 60610 with the title Little Christmas Carol

© Глебовская А. В., перевод на русский язык, 2025

© 2024 by The Moody Bible Institute. Illustrations

© 2024 by Joe Sutphin. Translated by permission.

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025

«Махаон»[®]

Первая строфа Призрак Марли

ачнем с того, что Марли был мертв. Вне всякого сомнения. Свидетельство о его погребении подписали священник, клерк, гробовщик и главный плакальщик. Его подписал и Скрудж, а к чему бы Скрудж ни прикладывал лапу, все обретало достоверность. Старый Марли был мертвее дверного гвоздя.

Должен вам сразу сказать, что лично я не вполне понимаю, чего такого особо мертвого в дверном гвозде. Лично мне кажется, что мертвее всех остальных гвоздей гвоздь, вбитый в гроб. Но к такому сравнению прибегали наши предки, и не мне портить его своими нечестивыми лапами, потому что тогда конец нашей стране. А потому позвольте повторить, с особым выражением, что Марли был мертвее дверного гвоздя.

Знал ли Скрудж, что Марли мертв? Разумеется, знал. Как же иначе? Я уж и не припомню, сколько лет они со Скруджем были деловыми партнерами. Скрудж остался единственным душеприказчиком Марли, единственным наследником, единственным плакальщиком. Но даже и Скруджа не так уж сильно опечалило это прискорбное событие, потому что он, как и подобает деловому человеку, даже в день похорон умудрился заключить очень выгодную для себя сделку.

Упоминание о похоронах Марли возвращает меня к тому, с чего я начал. В том, что Марли был мертв, не было никаких сомнений. Это нужно осознать отчетливо, иначе вы не увидите ничего волшебного в истории, которую я собираюсь вам рассказать.

Скрудж не стал закрашивать имя старика Марли на вывеске. Прошло много лет, а оно по-прежнему сияло над входом в их контору: Скрудж и Марли. Фирма носила название «Скрудж и Марли». Иногда новички в делах называли ее владельца Скруджем, а иногда Марли, и он откликался в любом случае. Ему было все равно.

Ох, но каким же ужасным неисправимым скрягой был этот Скрудж! Этот старый греховодник только и делал, что вынюхивал, выманивал, вытягивал, выжимал, выкручивал все до последней капли! Был он тверд и холоден как камень, из которого никто ни разу еще не смог выбить ни единой искры сострадания; был он скрытен, суров и самодостаточен – как устрица в своей раковине. Внутренний холод заморозил его стариковское лицо, заострил длинный нос, избородил морщинами щеки, сковал походку; глаза сделал красными, тонкие губы синеватыми, придал скрипучести и визгливости голосу. Голова его, брови и щетинистый подбородок будто покрылись инеем. Куда бы он ни пошел, он нес внутри свою стужу; в его конторе и в летнюю жару трещал мороз, не оттаивала она и на Рождество.

Мороз или солнце на улице на Скруджа никак не влияли. Жара не могла его согреть, а холод заледенить. Самый свирепый ветер оказывался его милосерднее, самая лютая выюга не могла поспорить с ним в безжалостности, и был он неумолимее самого затяжного дождя. Никакому ненастью было его не пронять. Ни ливень, ни метель, ни град, ни поземка не могли взять над ним верх – ну разве что в одном. Им случалось «разгуляться» в своей щедрости, тогда как Скруджу щедрость была неведома.

Никто никогда не останавливал его на улице, чтобы приветливо окликнуть: «Скрудж, дружище, как дела? Скоро в гости наведаешься?» Ни один нищий не обращался к нему за пода-ян-ием, никогда дети не спрашивали у него, который час, ни один человек ни разу не попросил Скруджа указать ему верную дорогу. Думаете, Скруджа это смущало? Напротив, ему нравилось идти по жизненной стезе, проталкиваясь сквозь толпу и гоня от себя всяческое сострадание.

В один прекрасный день – один из лучших в году, в сочельник – старый Скрудж сидел у себя в конторе за счетными книгами. День выдался холодный, пасмурный, промозглый – да еще и туманный. Скрудж слышал, как по двору снуют прохожие, бьют себя передними лапами в грудь, постукивают задними о камни мостовой, чтобы согреться. Городские часы только что пробили три, но уже совсем стемнело – настоящего света в тот день, собственно, не было вовсе – и в окнах соседних контор уже затеплились свечи, точно жаркие сполохи в плотном буром воздухе. Туман проникал во все щели и замочные скважины, а снаружи висел так густо, что хотя двор и был узким, дома напротив сделались совсем призрачными.

Дверь в кабинет Скрудж не затворял, чтобы удобнее было присматривать за клерком, смиренным бурундучком, который переписывал письма в тесной и унылой каморке. Если огонь в очаге у Скруджа едва теплился, то у клерка, похоже, и вовсе тлел единственный уголек. Подбросить еще клерк не мог, потому что ящик с углем Скрудж держал у себя в кабинете, и если бы клерк зашел к нему с лопаткой для угля, хозяин сразу бы сделал вывод, что им пора расстаться. Поэтому клерк-бурундучок обмотал шею толстым белым шарфом и пытался согреть лапки над свечой; вот только воображение у него было не слишком богатое, так что и тут он потерпел неудачу.

– Счастливого тебе Рождества, дядюшка! Бог в помощь! – зазвенел жизнерадостный голос. Он принадлежал племяннику Скруджа, который вошел так стремительно, что никто его не заметил, пока он не заговорил.

– Фу! – откликнулся Скрудж. – Вздор!

Племянник Скруджа так разгорячился от быстрой ходьбы в промозглом тумане, что теперь светился как печка: симпатичное лицо покраснелось, глаза сияли, изо рта вылетали клубы пара.

– Это Рождество-то вздор, дядя? – удивился он. – Уверен, что ты так не думаешь!

– Думаю, – стоял на своем Скрудж. – Счастливого Рождества! А кто тебе дал право быть счастливым? Какие у тебя к тому основания? Ты же ужасно беден.

– Да ладно! – жизнерадостно ответил племянник. – А кто дал тебе право быть угрюмым? Какие у тебя основания сидеть мрачнее тучи? Ты же ужасно богат!

Скрудж не сумел сразу придумать достойный ответ, поэтому только повторил: «Фу!», а потом добавил: «Вздор».

– Да не брюзжи ты, дядя, – посоветовал племянник.

– А что мне еще делать, если вокруг сплошные болваны вроде тебя? Счастливого Рождества? На что мне сдалось твое счастливое Рождество? Что для тебя толку в этом Рождестве, если это время платить по счетам, а денег-то нет; вот ты обнаружил, что стал на год старше, но не богаче ни на грош, пора подводить годовой баланс, да тут-то и выяснится, что за двенадцать месяцев у тебя сплошные убытки. Будь по-моему, – возмущенно продолжал Скрудж, – я бы каждого недотепу, который ходит и желает другим «счастливого Рождества», испек вместе с его пудингом и закопал в могилу, воткнув в сердце ветку остролиста. Поделом!

– Дядя! – умоляюще вскричал племянник.

– Племянник! – сурово откликнулся дядя. – Празднуй Рождество, как тебе вздумается, а мне позволь праздновать по-своему.

– Празднуй! – повторил племянник Скруджа. – Но ты-то его не празднуешь!

– Значит, позволь мне не праздновать, – стоял на своем Скрудж. – А то тебе много от Рождества толку! А то оно в прошлом тебя хоть чем-то порадовало!

– Должен сказать, в жизни моей было немало вещей, которые принесли мне радость, не принося выгоды, – ответил племянник. – Рождество из их числа. Должен тебе сказать, что праздничные дни для меня – это не только возможность вспомнить о святой сущности этого праздника, хотя, разумеется, именно этому все и должно быть подчинено, – но это еще и время для радости. Время творить добро, прощать, оделять бедных, наслаждаться – единственный день во всем длинном календаре, когда все звери в едином порыве раскрывают свои запертые на замок сердца и начинают думать о самых ничтожных своих собратях как о спутниках на общем пути к могиле, а не как о другом отдельном виде, у которого своя, иная дорога. Так что, дядя, хотя я ни разу еще не заработал за Рождество ни единой золотой или серебряной монеты, оно все-таки принесло мне много радости и будет приносить в будущем. Вот почему я и говорю: да будь этот праздник благословен!

Клерк из своей каморки невольно зааплодировал. Но тут же понял, насколько это невежливо, поспешил пошевелить кочергой свой уголек и случайно задул последнее слабое пламя.

– Еще один звук, – обратился к нему Скрудж, – и Рождество ты встретишь безработным. А вы, сэр, весьма красноречивы, – добавил он, поворачиваясь к племяннику. Вам бы в парламенте выступать.

– Дядя, не сердись! Полно! Заглядывай к нам завтра поужинать.

Скрудж ответил, что заглянет, просто обязательно. А потом прибавил, что к племяннику он заглянет не прежде, чем в адскую бездну.

– Но почему так? – вскричал племянник Скруджа. – Почему?

– Ты зачем женился? – спросил у него Скрудж.

– Потому что влюбился.

– Потому что влюбился! – фыркнул Скрудж, как будто наконец-то обнаружил в мире что-то даже нелепее Рождества. – Всего хорошего!

– Но дядя, ты и до моей женитьбы никогда ко мне не заходил. А теперь выдвигаешь ее в качестве предлога?

– Всего хорошего, – повторил Скрудж.

– Мне от тебя ничего не нужно, я у тебя ничего не прошу. Почему мы не можем дружить?

– Всего хорошего, – сказал Скрудж.

– От души жалею, что ты так уперся. Мы же ни разу не ссорились, по крайней мере, по моей вине. А попытку я предпринял исключительно в честь Рождества, и ничто не испортит мне праздничного настроения. Счастливого Рождества, дядюшка!

– Всего хорошего, – откликнулся Скрудж.

– И веселого Нового года!

– Всего хорошего, – повторил Скрудж.

Племянник, надо сказать, удалился, не сказав ни одного сердитого слова. Остановился у выхода, чтобы поздравить с наступающим праздником клерка, который хотя и замерз, но откликнулся куда теплее, чем Скрудж, ведь у него было сердце.

– Еще один, – пробормотал Скрудж, который все слышал. – Мой клерк получает пятнадцать шиллингов в неделю, содержит жену и детей – и тоже надеется на счастливое Рождество. Хоть в Бедлам беги.

Выпустив за дверь племянника Скруджа, скромный клерк впустил еще двоих посетителей. То были дородные джентльмены, опоссум и крот, и вот они уже стояли, сняв шляпы, у Скруджа в кабинете. Оба держали в лапах счетные книги и бумаги, оба поклонились хозяину.

– «Скрудж и Марли», полагаю, – произнес опоссум, сверившись с каким-то списком. – Я имею удовольствие говорить с мистером Скруджем или мистером Марли?

– Мистер Марли семь лет как скончался, – ответил Скрудж. – Семь лет назад, в эту самую ночь.

– У нас нет никаких сомнений, что его ныне здравствующий партнер не уступает ему в щедрости, – заявил опоссум, протягивая свою карточку.

Он сказал сущую правду, потому что партнеры были два сапога пара. Услышав злое слово «щедрость», Скрудж нахмурился, покачал головой и вернул карточку обратно.

– На дворе праздничная пора, мистер Скрудж, – напомнил крот, взяв в лапу перо, – и в эту пору особенно важно хоть немного позаботиться о нуждающихся, страдания которых сейчас особенно велики. Тысячи зверей лишены даже самого необходимого, сотни тысяч лишены элементарных удобств, сэр.

– Что ли мало у нас тюрем? – осведомился Скрудж.

– Много, даже слишком, – ответил крот, откладывая перо.

– А рабочих домов? – поинтересовался Скрудж. – Их же не закрыли?

– Нет. Пока, – ответил опоссум. – Хотя это было бы недурно.

– И законы о принудительном труде пока еще действуют? – продолжил Скрудж.

– Все до единого, сэр.

– Вот как! А я из ваших слов понял, что все эти полезные вещи прекратили свое существование, – заметил Скрудж. – Очень рад, что ошибся.

– Нам, однако, представляется, что все эти заведения не способны даровать христианину ни душевной, ни телесной бодрости, – заметил крот, – а потому мы решили собрать денег и купить бедным еды, питья и средств для обогрева. А нынешнее время мы выбрали, потому что именно сейчас Нужда ощущается особо остро, а Великодушие приносит особую радость. Какую сумму записать на ваше имя?

– Никакой! – ответил Скрудж.

– Вы предпочитаете жертвовать анонимно?

– Я предпочитаю, чтобы меня оставили в покое, – сказал Скрудж. – Раз уж вас, джентльмены, интересуют мои предпочтения, я вам отвечу чистую правду. Сам я на Рождество никогда не веселюсь, и мне не по карману оплачивать веселье всяких бездельников. Я помогаю оплачивать содержание упомянутых мною учреждений – что обходится недешево – и тем, кто стеснен в средствах, следует обращаться туда.

– Очень многие этого не могут сделать; а еще многие предпочтут умереть.

– Если они предпочтут умереть, вольному воля, – сказал Скрудж. – Избавимся от избытков населения. Помимо прочего, вы уж меня простите, я в этом не разбираюсь.

– А стоило бы разобраться, – заметил один из джентльменов.

– Я этим не зарабатываю, – ответил Скрудж. – Каждому достаточно разбираться в том, чем он зарабатывает, и не лезть в чужие дела. Мне и своих хватает по горло. Всего хорошего, джентльмены!

Поняв, что все равно ничего не добьются, джентльмены удалились. Скрудж, довольный собой пуце прежнего, вернулся к своим трудам; настроение у него было несколько лучше обычного.

А тем временем и туман, и мгла сгущались, на улицах появились мальчуганы с факелами, которые предлагали свои услуги – бежать перед экипажем и указывать ему путь. Древняя церковная башня – висевший на ней колокол постоянно исподтишка поглядывал на Скруджа из готического окна в стене – скрылась из виду и отбивала часы и четверти часа где-то в облаках, и воздух долго дрожал, как будто там, наверху, клацали зубы на морозе. Стужа усиливалась. На главной улице, у здания суда, рабочие чинили газовые трубы, они развели в жаровне яркий огонь, вокруг которого собрались самые разные звери-оборванцы, молодые и старые; они грели лапки и блаженно шурились в тепле. Свет в магазинных витринах, где веточки и ягоды остролиста потрескивали от жара, исходившего от ламп, окрашивал румянцем бледные лица прохожих. Булочные и бакалейные лавки состязались друг с другом в пышности убранства – трудно было поверить, что в них всего лишь торгуются и покупают. Мэр, господин Тритон, укрылся за прочными стенами своего особняка и отдавал распоряжения пятидесяти дворецким и поварам, чтобы Рождество в доме столь важной персоны прошло как положено; и даже маленький портняжка-крот замешивал у себя в чердачной квартирке завтрашний пудинг, отправив жену с малышом в лавку за головкой сыра.

Туман все гуще, воздух все промозглее! Стужа пробирает до костей. Маленький бродяжка – голодный мороз обглодал ему носик, как собаки обгладывают кости, – приник к замочной скважине Скруджа, дабы порадовать его рождественской песней, но едва услышав: «Радости вам, джентльмены! Пусть Бог вам счастье пошлет!», Скрудж так рьяно схватился за линейку, что певцу пришлось удирать во все лопатки, оставив замочную скважину в распоряжении тумана и столь любезного Скруджу мороза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.